

а за пропущенный день сам уплачивает нанимателю 30 аспров (№ 73). В другом случае мы узнаем, что он подражается на работу за 1000 аспров (№ 74).

В задачнике упоминается также разработка соли в Солуни (№ 30—31). О продаже земельных участков говорится лишь два раза (№ 50—51): в первом случае за $45\frac{2}{3}$ флорина продается хорафий размером $14\frac{1}{2} \times 13\frac{3}{4}$ оргий (в примечании к этой задаче и в комментарии на стр. 114 указывается иная цена — $14\frac{2}{3}$ флорина. Чем объясняется такое расхождение?), во втором — вообще говорится о крохотном поле в 126 кв. локтей³.

Сведения о социальной структуре византийского города крайне скудны. Несколько раз упоминается ἀρχων и его δοῦλος (№ 53—56). Термин ἀρχων податели переводят Негг, δοῦλος — Diener. Разумеется, задачник не дает оснований для более точных дефиниций, но интересно было бы установить, в каком значении употреблялись эти термины в других памятниках XV в. Существенны свидетельства о наличии башен (πίργος) у частных лиц (№ 62) и данные о размерах этих «пиргов» (№ 65, 77)⁴. В одной из задач говорится о богатом человеке, который предоставляет бедняку (πένης) деньги и лавку (ἐργαστήρι) и взимает с него за это поденную плату (№ 26).

Даже такой краткий обзор содержания задачника позволяет видеть, что перед нами источник, которым не сможет отныне пренебрегать исследователь поздневизантийского города. Тщательность издания Хунгера и Фогеля облегчает использование памятника. Авторам пришлось преодолеть многие трудности, как палеографические, так и терминологические. И хотя они неоднократно вспоминают слова И. Хайберта о том, что издание подобных сочинений не приносит наслаждения, можно все-таки пожелать им издать и второй задачник, содержащийся в той же Венской рукописи.

А. К.

O. MAULL. DER EINFLUSS GEOGRAPHISCHER FAKTOREN AUF DIE GESCHICHTE DES BYZANTINISCHEN REICHES

„Südost-Forschungen“, XXI, 1962, S. 1—21

Посмертно опубликованная статья мюнхенского географа Отто Маула носит многообещающее заглавие «Влияние географических факторов на историю Византийской империи». Проблема эта, заслуживающая всяческого внимания, почти не затрагивалась в научной литературе. К сожалению, и рецензируемая статья, несмотря на отдельные интересные конкретные наблюдения [например, на стр. 12: долины Греции в средние века, как правило, перестали быть местами больших сражений — основные линии передвижений войск (как и основные торговые пути, добавлю от себя) проходили теперь через горные проходы Болгарии и долины Македонии], немногим продвигает вперед ее разрешение. Дело не в тех элементарных ошибках, которые имеются в ней (стр. 7: в 957 г. Иоанн Цимисхий завоевал Сирию; стр. 16: с IX в. возникают в Малой Азии княжества, как-то: владения Комнинов в Пафлагонии, близ Синопа и Кастамона; на стр. 11 падение Первого Болгарского царства отнесено к 1014 г.; на стр. 18 мы узнаем, что Яйла ограждала Херсонес Таврический от степей Северного Крыма). Дело в том, что статья Маула в целом не отвечает своему заглавию.

Она состоит из трех частей. В начале Маул характеризует две особенности географического положения Византии как средиземноморского государства: значение морских связей и растянутость границ (стр. 3 и сл.), что создавало крайне большие трудности обороны. Затем Маул подробно описывает отдельные части империи и их значение для государства. «Жизненным центром империи» (viales Reichsgebiet) считает он Балканский и Малоазийский полуострова (стр. 10 и сл.), а также острова Эгейского моря (стр. 18). Верхняя Месопотамия, Западная Армения, Лазика и Крым были пограничными марками, прикрывавшими основные территории Византии (стр. 17 и сл.). Италия составляла западный противовес (der abendländische Gegenpol) Константинополю, а не простую периферию империи (стр. 9), и Византия постоянно претендовала на нее. Египет, Сирия, Кипр — это экономически важные районы, но не жизненные центры, и потеря их не сказалась катастрофически на судьбах государства, хотя императоры и пытались утвердиться в захваченных арабами областях. Наконец, Южная Испания и Северная Африка составляли настолько далекую периферию, что византийцы даже не думали о возвращении этих земель (стр. 6 и сл.).

В конце статьи содержатся некоторые замечания об этническом составе империи, которая из многоплеменного государства превратилось в государство с господствующим греческим населением (стр. 19 и сл.)

³ О карликовых размерах византийских наделов см. А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 60.

⁴ О пирге см. К. В. Х в о с т о в а. Взаимоотношения Хиландарского монастыря и некоторых его метох в XIV в. ВВ, XVIII, 1961, стр. 34 и сл.

Легко видеть, что вторая и третья части работы Маула содержат элементарные, общеизвестные вещи и, строго говоря, не относятся к проблеме, поставленной в заголовке статьи. Тот известный факт, что Византия состояла из разнородных географических элементов, одни из которых были центральными, а другие периферийными, ни на шаг не приближает нас к пониманию воздействия географических факторов на особенности экономики, политического строя или внешней политики Византийской империи. Таким образом, о географических факторах Маул говорит по существу лишь в первой части статьи, сужая это понятие до структуры государственных границ. Плодородие почвы, речная система, распределение полезных ископаемых, направление торговых путей — разве все эти факторы, даже не упомянутые немецким географом, не оказывали своего влияния на византийскую историю? По-видимому, длительная борьба за Армению была связана с богатством этой страны металлом, а не только с особенностями ее географического положения.

Вопрос о влиянии природной среды на социальное развитие Маул затрагивает лишь однажды, но и то его тезис весьма спорен. Он высказывает мысль, что изрезанные горные районы Малой Азии были благоприятными для развития крупного земледелия с его сепаратистскими тенденциями (стр. 16). Сколь ни правдоподобна эта мысль, она вызывает два возражения: во-первых, Малая Азия — при всей природной изолированности отдельных ее частей — на протяжении столетий являлась оплотом централизованной Византийской империи, ее *vitales Reichsgebiet*, если пользоваться словами самого Маула. Во-вторых, когда развитие феодализма становится особенно заметным, в XI в., средоточием феодального земледелия оказываются не горные долины, а широкие просторы плодородной Фракии.

Маул практически оперирует единым, вневременным понятием Византии, не предлагая периодизации ее истории. Отсутствие периодизации в его статье особенно досадно потому, что различие позднеантичной Восточной Римской империи и средневековой Византии отчетливо обнаруживается в их географической структуре. В историко-географическом плане мы могли бы говорить о двух совершенно различных государствах, и те «средиземноморские» особенности, которые Маул выдвигает в начале статьи (морские связи и растянутость границ), относятся, собственно говоря, лишь к Восточной Римской империи. Да, Юстинианова Византия была средиземноморским государством, но уже в VIII в. мы ничего подобного не видим: Византия при Исаврах или Македонской династии обладает сравнительно короткой пограничной линией (относительно ее территории) и во всяком случае не базируется своей мощи на морском господстве.

Некоторые формулировки Маула представляются чуть ли не мистико-телеологическими; таково, например, его представление о роли Италии как «противовеса» Константинополю. Думается, что политическая борьба норманнов или анжуйцев против Византии обуславливалась конкретной расстановкой политических сил, а не географической (т. е. вечной) позицией Апеннинского полуострова.

Маул поднял большую и очень важную проблему, но не решил ее. Здесь сказано и недостаточное знание фактического материала, и влияние геополитических концепций, заслонивших структурой границ действительные географические факторы. К поднятой Маулом проблеме следует еще вернуться. При этом необходимо четко разграничивать, что в византийской истории определяется влиянием географических факторов, а что складывалось исторически, независимо и иногда вопреки географическим условиям. Повторю еще раз, что географические условия Византии сами по себе никак не могли бы содействовать формированию здесь относительно централизованного государства, однако Византия была именно такой империей.

А. К.

Н. EVERT-KAPPEŠOWA. STUDIA NAD HISTORIA WSI WIZANTYŃSKIEJ W VII—IX WIEKU.

Łódź, 1963, s. 120

Книга польской византистки Г. Эверт-Каппесовой называется «Исследования по истории византийской деревни VII—IX вв.». Она посвящена, следовательно, тому же периоду, что и вышедшая в 1961 г. монография Е. Э. Липшиц¹. К сожалению, Эверт-Каппесова не успела использовать этот труд, хотя сопоставление собственных взглядов с концепцией Липшиц, несомненно, помогло бы ей во многих случаях точнее и четче поставить проблему.

Работа состоит из введения и трех глав. Заключение нет — его роль в какой-то мере выполняет французское резюме (стр. 109—114).

¹ Е. Э. Л и п ш и ц. Очерки истории византийского общества и культуры. VIII—первая половина IX в. М.—Л., 1961.